

БРОНЗОВЫЕ СЕРПОВИДНЫЕ КИНЖАЛЫ-БЕБУТЫ ЦЭПАНЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

В. И. Привалихин, Н. И. Дроздов, В. И. Макулов

BRONZE CRESCENT-SHAPED BEBUT DAGGERS OF THE TSEPAN CULTURE REPRESENTING EARLY IRON AGE IN THE NORTH ANGARA REGION

V. I. Privalikhin, N. I. Drozdov, V. I. Makulov

Предметом исследования статьи являются бронзовые серповидные кинжалы-бебуты раннего железного века Северного Приангарья. Авторы статьи знакомят с результатами научных исследований кинжалов-бебутов цэпаньской культуры, обнаруженных в погребальных комплексах и культурных слоях стоянок раннего железного века. Привлечены материалы музейных коллекций и архивные источники. В научный оборот вводится новый пласт источников по археологии раннего железного века Сибири, позволяющий определиться с происхождением кинжалов-бебутов, проследить их эволюцию, уточнить хронологию и время бытования на территории Северного Приангарья. Авторы использовали метод исторической реконструкции, сравнительно-типологический метод, приводят данные спектрального анализа древних бронз, радиоуглеродного анализа угля и бересты. Полученные результаты позволяют расширить и конкретизировать наши представления о жизни и хозяйственной деятельности таежного населения Северного Приангарья в I тысячелетие до н. э.

The paper discusses the bronze crescent-shaped bebut daggers of the Early Iron Age in the Northern Angara Region. The authors present the results of scientific research of the bebut daggers belonging to the Tsepan culture. The daggers were discovered in the burial complexes belonging to the cultural layers of Early Iron Age sites. The material of museum collections and archives sources were also used. A new block of sources belonging to the archeology of the Early Bronze Age in Siberia is introduced into scientific use. It makes it possible to determine the origin of bebut daggers, to trace their evolution, to specify their chronology and the period of use on the territory of the Northern Angara Region. The authors made use of the historical reconstruction method and the method of comparative typology. They also present spectral analysis data of ancient bronze and radiocarbon analysis of carbon and birchbark. The results obtained make it possible to broaden and specify our idea of life and activities of the taiga populace living in the Northern Angara Region during the first millennium BC.

Ключевые слова: Северное Приангарье, цэпаньская культура, кинжалы-бебуты, обоймы, наконечники стрел.

Keywords: Northern Angara Region, Tsepan culture, bebut daggers, arrow heads.

Бронзовые серповидные кинжалы-бебуты цэпаньской культуры Северного Приангарья, имеющие самобытный и выразительный облик, образуют в цэпаньском инвентаре небольшую группу предметов. Нам известны 12 экземпляров, из которых, четыре кинжала обнаружены в погребальных комплексах, пять – отмечены в культурных отложениях стоянок и три происходят из случайных сборов (рис. 1; рис. 2 – (1); рис. 3 – (2); рис. 4 – (2-8)).

Первыми исследователями, обратившими внимание на столь необычные бронзовые изделия, были Г. Мергарт и Г. П. Сосновский. Основываясь на изучении бронзового инвентаря археологических коллекций Красноярского, Енисейского, Минусинского и других краеведческих музеев Г. Merhart в своей обобщающей работе «Bronzezeit am Ienissei» [12] выделил особый тип обоюдо-острых кривых ножей, происходящих с территории, приуроченной к нижнему течению Ангары [12, s. 110 – 113; tafel. VII, fig. 1, 4, 5].

Г. П. Сосновский, касаясь проблем археологии бронзового века Ангарского края, отмечал отличительные признаки серповидных ножей, подчеркивая, что: «Оба края у ножей острые. Иногда они оказываются довольно грубой работы и носят следыковки» [19, с. 19].

В 1937 году А. П. Окладников на правом берегу Ангары, близ устья реки Цэпань раскопал необычное погребение, которое он отнес к бронзовому веку и датировал VIII – IV вв. до н. э. [13, с. 106 – 112]. Ха-

рактеризуя предметы погребального инвентаря данного погребения, А. П. Окладников упоминает о фрагменте бронзового изделия в виде массивной пластины с изломом на одном широком и утолщенном конце (рис. 4 – (7)). По справедливому замечанию исследователя эта пластина не что иное, как конец клинка большого бронзового кинжала. Судя по рисунку А. П. Окладникова, клинок кинжала массивный, одна сторона плоская, другая выпуклая, оба края остро заточены [13, с. 103; табл. 38 – (3)].

Более обстоятельно и с учетом техники изготовления бронзовые серповидные кинжалы – бебуты рассмотрены в работе Ю. С. Гришина, по классификации которого они были отнесены к изогнутым двулезвийным ножам II типа [2, с. 9 – 10]. Следует отметить, что если в более ранних работах Ю. С. Гришин усматривал определенную связь таких ножей с глазковскими листовидными ножами [14, с. 30 – 34; рис. 11 – 14] и на основании этого датировал их второй половиной II тыс. до н. э., то в последующих своих работах, ссылаясь на отдельные находки изогнутых ножей из Южной Якутии (стоянка Усть-Миль – 1) [21, с. 146 – 158] и Прибайкалья [23, с. 46 – 50], он относит их уже к I тыс. до н. э. [2, с. 10; 3, с. 107 – 112; 4, с. 56 – 57].

По мнению исследователя, енисейско-нижеангарские и близкие им якутско-забайкальские изогнутые ножи, видимо представляют собой местные варианты еще малоизученных изделий карасук – тагарского времени таежной зоны Восточной Сибири [1, с. 56 – 57].

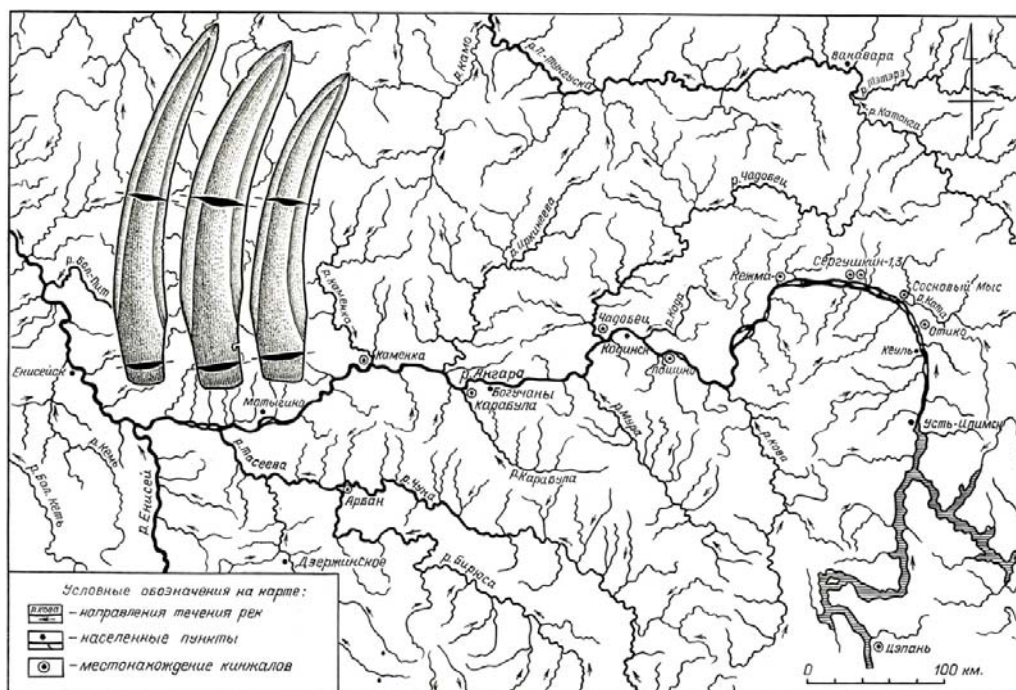

Рис. 1. Карта местонахождения бронзовых серповидных кинжалов-бебутов цэпаньской культуры на территории Северного Приангарья

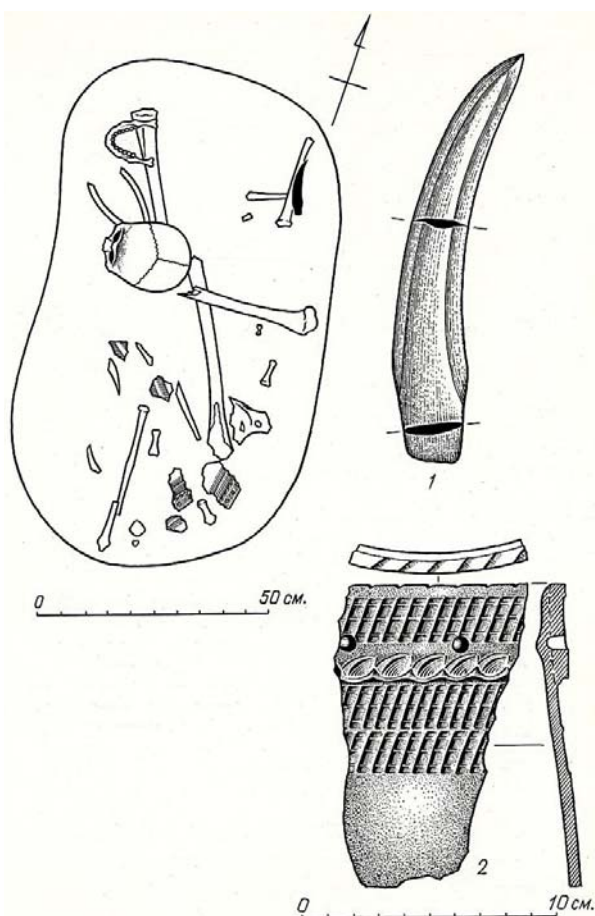

Рис. 2. Стоянка и могильник Пашино, погребение № 1 цэпаньской культуры. План расположения костяка и предметы погребального инвентаря. 1 – кинжал; 2 – керамика (раскопки Н. И. Дроздова)

Точка зрения Ю. С. Гришина на происхождение и датировку изогнутых двулезвийных черенковых ножей нам представляется недостаточно аргументированной. Вместе с тем, мы полагаем, что использование определения «нож» применительно к изделиям такого рода не совсем правильно и допустимо. Если попытаться абстрактно выпрямить «двулезвийный черенковый нож», то мы получим кинжал, лишенный перекрестия и рукояти. По нашему глубокому убеждению первоначальной и исходной формой для серповидно-изогнутых кинжалов – бебутов послужила форма обычного кинжала с прямым клинком (зауженным к боевому острию), перекрестием и рукоятью, какие известны по материалам раскопок памятников тагарской, уюкской и ряда других культур скифо-сибирского круга. Подобная трансформация, обусловленная экономией дефицитного металла, каковым в условиях тайги была бронза, привела к отсутствию у серповидных кинжалов рукояти и перекрестия. В результате приобретенной изогнутости, при наличии двух лезвий, кинжалом можно было не только колоть зверя, но и выполнять различные хозяйственные операции. Не утратив форму кинжала, это изделие стало более универсальным, приобретая некоторые функции ножа. В нашем утверждении нет никакого противоречия или кажущегося абсурда, поскольку природная среда и охотничий уклад жизни цэпаньцев определили подобную рационализацию.

На территории Северного Приангарья отмечены десять пунктов, где бронзовые серповидные кинжалы – бебуты обнаружены в комплексе с другими предметами, позволяющими более точно установить время их бытования (рис. 1). Один экземпляр найден в погребении близ устья р. Цэпань (рис. 4 – (7)) [13, с. 106–112; рис. 38 – (3)], один – в погребении № 2 могильника Пашино (рис. 2 – (4)) [6, с. 50 – 57;

рис. 2), один кинжал в погребении № 6 могильника Отико (рис. 4 – (3)) [15, с. 227 – 228; 16, с. 189 – 198; 17, с. 160 – 183; 18, с. 73 – 91], один кинжал в культурном слое стоянки Сергушкин – 1 в пункте «А» (пойма) (рис. 4 – (6)), обломок кинжала в культурном слое и кинжал в погребении № 9 стоянки и могильника Сергушкин – 3 [1, с. 87 – 91], один кинжал на стоянке Усть-Карабула (рис. 4 – (5)) [9, с. 130 – 175; рис. 12 – (1)], переоформленный обломок кинжала на культовом месте в устье речки Каменки (рис. 4 – (8)) [7, с. 347 – 351; 8, с. 107 – 129; рис. 10 – (3)], один кинжал в культурном слое на культовом месте Мыс Арбан при слиянии рек Бирюсы и Чуны [20, с. 78–83; рис. 8 – (4)], кинжал, найденный И. А. Грачевым при исследовании могильника Сосновый Мыс.

В фондах Красноярского краевого краеведческого музея хранятся два серповидных кинжала – бебута (КККМ, колл. № 41 – (24); колл. № 82 – (82)), найденные на Ангаре. Оба они опубликованы в работе G. Merharta «Bronzezeit am Inissei» [12, s. 112 – 113; tafel. VII / 1, 4]. В инвентарной книге по археологии Красноярского краевого краеведческого музея, содержится запись о том, что первый кинжал (КККМ, колл. № 41 – (24)), доставлен в 1903 году из села Кежмы, а второй – (КККМ, колл. № 82 – (82)) поступил в фонды краевого музея в 1913 г. из Ангарского края (р. Чадобец?). Мы полагаем, что эти кинжалы происходят из случайных сборов и скорее всего, были подняты кем – то из ангарских крестьян на пашне или же в местах разрушения древних поселений, стоянок и могильников раннего железного века.

Все известные нам серповидные кинжалы, обнаруженные в разные годы в пределах рассматриваемого региона, имеют короткий широкий черенок, длинный изогнутый клинок с двумя лезвиями и продольным валикообразным ребром посередине одной из сторон (рис. 4 – (2–8)). Они отлиты в литейной форме, вторая створка которой была плоской. Оба лезвия всех без исключения кинжалов дополнительно оттягивались методом холоднойковки, после чего остро затачивались абразивом. Обломок плитки абразива из мелкозернистого песчаника был отмечен нами в погребении № 6 могильника Отико (рис. 3 – (15)).

В Лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых был проведен полный спектральный анализ двух серповидных кинжалов – бебутов, найденных в погребении № 6 могильника Отико (шифр № 33311) и в погребении № 1 могильника Пашино (шифр № 33314) (рис. 3 – (2); рис. 2 – (1)). Кинжал из погребения № 6 могильника Отико был отлит из оловянистой бронзы с содержанием олова в 1,1 %. Химическая рецептура металла кинжала из погребения № 1 могильника Пашино определена как оловянисто-свинцовая бронза с содержанием 2,7 % олова и 3 % свинца.

Как свидетельствует находка рукояти в погребении № 6 могильника Отико, короткий черенок кинжала – бебута крепился в специальном пазе рукояти из рога (рис. 3 – (5)). Для большей прочности соединения кинжала и рукояти, на узких сторонах последней имелись специальные выемки – углубления, благодаря которым, стягивающая обмотка из сухожильных ниток держалась крепко и надежно, не давая кинжалу выпасть. Мы также не исключаем вероятности суще-

ствования у древних цэпаньцев деревянных рукоятей, использовавшихся в тех же целях.

Особого внимания заслуживают находки двух миниатюрных бронзовых резцов, отдаленно напоминающих бронзовые кинжалы – бебуты (рис. 4 – (1,17)). Один из них (рис. 4 – (1)) был обнаружен в культурном слое стоянки Усть-Карабула [9, с. 142; рис. 8 – (16)], второй (рис. 4 – (17)) – в погребении № 9 стоянки и могильника Сергушкин – 3 [1, с. 87 – 91]. Обладая коротким, слабо выраженным черенком, они по аналогии с крупными кинжалами – бебутами, имели роговые или деревянные рукояти, но уже меньших размеров. Используя бронзовые резцы, носители цэпаньской культуры обрабатывали рог и кость, выделяли многочисленные обоймы, наконечники стрел из кости, проколки, игольники, различные украшения и культовые предметы, компенсируя тем самым дефицит меди и металлических сплавов на ее основе (рис. 3 – (3–5, 8,13,20–25,30)).

В лаборатории радиоуглеродного анализа Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) было проведено исследование жженой бересты и угля из погребения № 6 могильника Отико с бронзовым серповидным кинжалом – бебутом (рис. 3 – (2)). Результаты радиоуглеродного датирования (шифр ЛЕ – 2166) оказались неожиданными, поскольку была получена дата 1620 ± 40 лет до н. э. Сомнения в достоверности и точности этой датировки обусловлены тем, что она не стыкуется с датировкой бронзового трехлопастного черешкового наконечника стрелы, найденного там же в погребении № 6 (рис. 3 – (6)).

Бронзовые трехлопастные черешковые наконечники стрел тагарской культуры, по классификации Н. Л. Членовой, отнесены исследователем к типу А/II – А/III и датируются VII – V до н. э. [22, с. 41–43].

Цэпаньские бронзовые, черешковые, трехлопастные наконечники стрел, близкие по своей конструкции аналогичным наконечникам стрел раннего железного века Южной и Западной Сибири, в условиях относительной таежной удаленности и изолированности Северного Приангарья появляются на Нижней Ангаре позднее и существуют на этой территории более продолжительное время, чем в степных и лесостепных районах юга Сибири. Их эволюция проходила по линии увеличения размеров наконечника и утраты черешка (рис. 4 – (13 – 16, 21 – 23)).

В сопроводительном инвентаре погребения № 6 могильника Отико совместно с кинжалом-бебутом присутствуют обоймы из рога, костяные и каменные вкладышевые наконечники стрел. Они хорошо коррелируются с аналогичными артефактами из цэпаньских погребений могильников Сергушкин – 3, Сосновый Мыс-2 и Пашино. Цэпаньские костяные наконечники стрел с уплощенным черешковым насадом и пером с ланцетовидной и удлинено-треугольной формы с оттянутыми шипами из погребения № 2 могильника Сосновый Мыс-2 почти – что идентичны костяным наконечникам стрел из курганов тагарской культуры Хакасско-Минусинской котловины и лесостепных районов Кемеровской области, где они датируются V–III вв до н. э. [17, с. 173; рис. 5 – (14–17, 21); 10, с. 163, табл. 13 – (1–71); с. 164, табл. 14 – (1–61)].

С учетом этих замечаний, бронзовые серповидные кинжалы – бобыты цэпаньской культуры Северного Приангарья датируются нами VII–II вв. до н. э.

Таким образом, территория Северного Приангарья представляет собой регион с наибольшей концен-

трацией и локализацией местонахождений бронзовых серповидных кинжалов-бобытов. В комплексе инвентаря цэпаньской культуры раннего железного века Нижнего Приангарья, кинжалы-бобыты являются одним из определяющих признаков – маркеров.

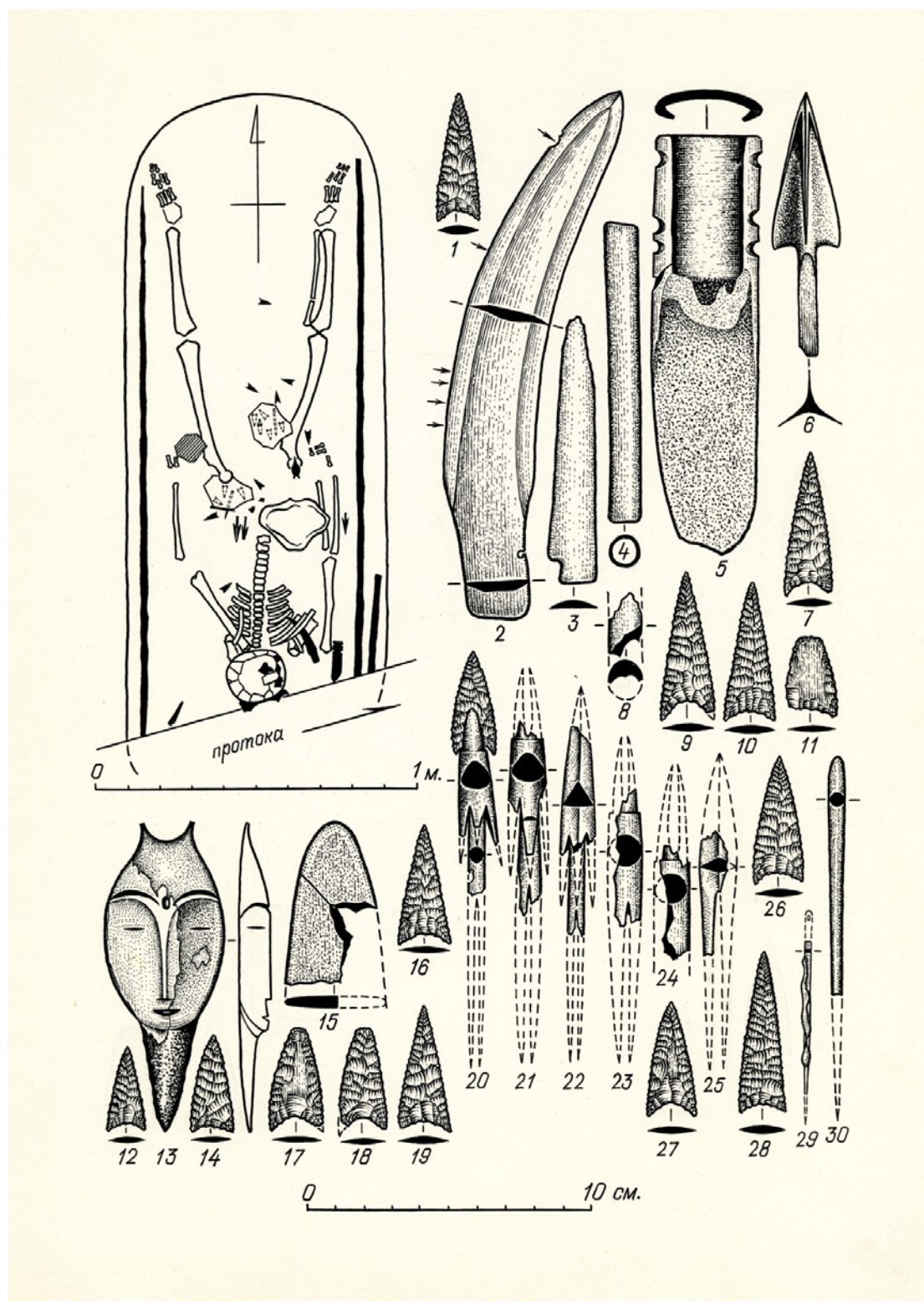

Рис. 3. Стоянка и могильник Отико, погребение № 6 цэпаньской культуры. План расположения костяка и предметы погребального инвентаря. 2 – бронзовый кинжал – бобыт; 5 – рукоять кинжала из рога; 15 – плитка – абразив из песчаника (раскопки В. И. Привалихина)

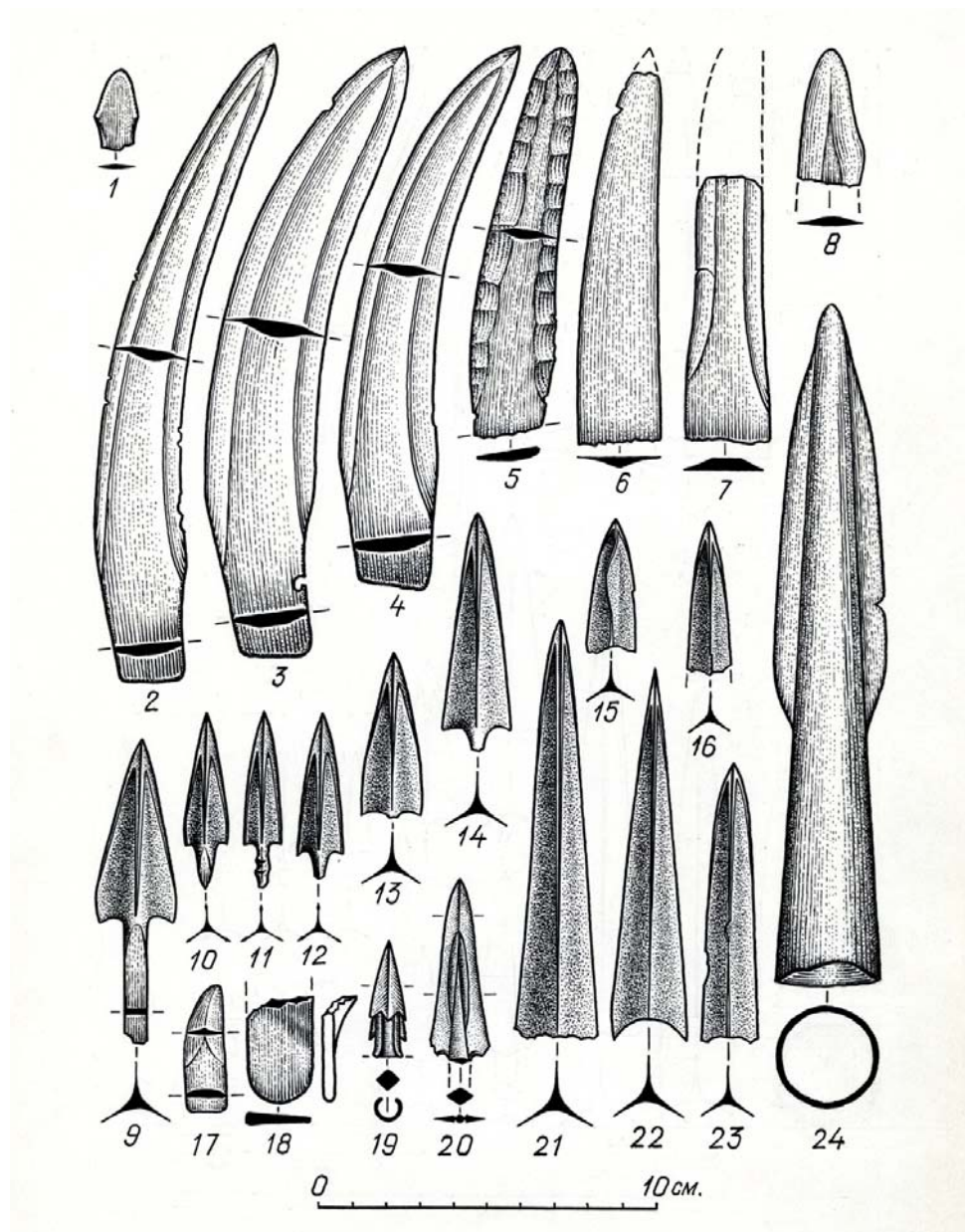

Рис. 4. Бронзовые кинжалы – бевуты, резцы, наконечники стрел и копий цэпаньской культуры. 1,5 – стоянка Усть-Карабула (раскопки Н. П. Макарова); 2 – Ангарский край (р. Чадобец ?), 1913 г., случайная находка (КККМ, колл. № 82 – (82)); 3,9 – могильник Отико, погребение № 6 (раскопки В. И. Привалихина); 4 – могильник Пашино, погребение № 1 (раскопки Н. И. Дроздова); 6 – стоянка Сергушкин – 1 (раскопки В. И. Привалихина); 7, 13, 14 – устье р. Цэпань, погребение (раскопки А. П. Окладникова); 8, 15 – устье р. Каменка (раскопки А. Л. Заики); 17 – могильник Сергушкин – 3, погребение № 9 (раскопки П. В. Германа); 10, 11, 12, 18 – стоянка и могильник Сергушкин – 3 (раскопки В. И. Привалихина); 21 – Большая Курья (раскопки Р. С. Васильевского, В. В. Бурилова); 22 – устье р. Чадобец (раскопки Н. И. Витковского); 23 – устье р. Чадобец (раскопки Н. И. Дроздова); 24 – устье р. Кова (раскопки Н. И. Дроздова)

Литература

1. Герман П. В., Леонтьев С. Н., Савельева А. С., Герман В. В. Предварительные результаты исследований на памятнике Сергушкин-3 в Северном Приангарье // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН. Вып. 3. Кемерово, 2011. С. 87 – 91; табл. I, рис. 32.
2. Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М., 1971. С. 10.
3. Гришин Ю. С. О некоторых погребальных памятниках бронзового века в Бурятской АССР // КСИА. Вып. 161. М.: Наука, 1980. С. 107 – 112.
4. Гришин Ю. С. Об особенностях некоторых бронз карасук-тагарского времени из Красноярско-Канского района // Вопросы истории Южной Сибири. Абакан. 1984. С. 53 – 59.

5. Дроздов Н. И., Королева В. Н., Пашинов А. М., Привалихин В. И. Исследования в Северном Приангарье // АО 1977 года. М., 1978. С. 226 – 227.
6. Дроздов Н. И., Леонтьев В. П., Привалихин В. И. К вопросу о хронологической принадлежности погребений стоянки Пашино в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. Вып. IV. Красноярск, 2005. С. 50 – 57.
7. Заика А. Л., Оводов Н. Д., Мартынович Н. В., Орлова Л. А. Следы медвежьего культа на Нижней Ангаре (предварительное сообщение) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. 1 // Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 года, посвященной 95- летию со дня рождения академика А. П. Окладникова. Новосибирск, 2003. С. 347 – 351; рис. 2 – (3).
8. Заика А. Л., Оводов Н. Д., Орлова Л. А. Следы медвежьего культа на Нижней Ангаре в эпоху раннего железного века – средневековья (фрагментарный обзор проблемы) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. науч. ст. Красноярск, 2013. С. 107 – 129; рис. 10 – (3).
9. Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. науч. ст. Красноярск, 2013. С. 130 – 175; рис. 8 – (16); рис. 13 – (1)).
10. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. С. 163, табл. 13 –(1-71); С. 164, табл. 14 – (1-61)).
11. Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае (Автореферат) // Известия Красноярского Отдела Русского географического Общества. Т. III. Вып. I. Красноярск, 1923. С. 29 – 36.
12. Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926. 190 s.
13. Окладников А. П. Погребение бронзового века в ангарской тайге // КСИИМК. Вып. VIII. М.; Л., 1940. С. 106 – 112; рис. 38 – (3)).
14. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III (глазковское время). М.; Л., 1955. 373 с.
15. Привалихин В. И. Исследования в зоне Богучанской ГЭС и в Эвенкии // АО 1982 года. М., 1984. С. 227 – 228.
16. Привалихин В. И. В поисках научной истины // Век подвижничества. Красноярск, 1989. С. 189 – 198; табл. 2 – (1)).
17. Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества: сб. науч. ст. Красноярск, 2011. С. 160 – 183.
18. Привалихин В. И. Исследование погребений стоянки и могильника Сергушкин – 1, пункта «А» в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сборник научных статей. Красноярск, 2013. С. 73 – 91; рис. 7 – (2).
19. Сосновский Г. П. К археологии Ангарского края. Иркутск, 1923. 21 с.
20. Тарасов А. Ю. Культурный комплекс археологического местонахождения «Мыс Арбан» на реке Тасеевой (предварительные материалы) // Дуловские чтения 1997 года (Секция археологии и этнографии): материалы докладов и сообщений. Октябрь 1997 г. Иркутск, 1997. С. 78 – 83; рис. 8 –(4)).
21. Федосеева С. А. Усть – Мильская культура эпохи бронзы Якутии //Древняя история Восточной Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1974. С. 146 – 158.
22. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 299 с.
23. Шмыгун П. М., Сергеева Н. Ф., Лыхин Ю. П. Погребение с бронзовым инвентарем на Северном Байкале // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981. С. 46 – 50.

Информация об авторах:

Привалихин Василий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея.

Vasily I. Privalikhin – Candidate of History, Senior Research Associate at Krasnoyarsk Regional Museum.

Дроздов Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий лабораторией археологии и палеогеографии Средней Сибири, директор Красноярского филиала.

Nikolay I. Drozdov – Doctor of History, Full Professor, Head of Krasnoyarsk Laboratory for Archaeology and Palaeogeography of Middle Siberia, Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Director of Krasnoyarsk branch of the University of the Russian Academy for Education.

Макулов Владимир Иванович – научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири, начальник коммерческого отдела Университета Российской академии образования Красноярский филиала, makulov@krasura.ru

Vladimir I. Makulov – Research Associate in Krasnoyarsk Laboratory for Archaeology and Palaeogeography of Middle Siberia, Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Head of Commercial Division, Krasnoyarsk branch of the University of the Russian Academy for Education.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.